

УДК 82-31

DOI: 10.35330/1991-6639-2023-2-112-75-84

EDN: OJHXLY

Научная статья

Концептуальное прочтение повести Б. М. Чипчикова «Нерестились рыбы в свете лунном»

А. Д. Атабиева

Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН
360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Аннотация. В статье осмыслены интерпретационные уровни художественного текста, доминантная проблематика, идейное наполнение, дана оценка ключевым образам-символам, обозначенным в повести Бориса Чипчикова «Нерестились рыбы в свете лунном». Концептуальным ядром произведения служит идея о внутренней свободе, проявление духовного стержня человека в вихре жизненных перипетий. В работе анализируются структурно-содержательные пласты произведения, определяется авторская интенция – творческий замысел писателя, направленный на отражение изнанки исторических событий и человеческих душ, мотивации поступков героев, соотнесение реальности в индивидуальном восприятии и действительного положения вещей. Это позволяет распаковать глубинные смыслы текста, выявить инверсии и искажения, уродующие человеческое сознание (результат влияния социальной среды, порождение идеологического гнета), продемонстрировать силу отдельной личности, возвышающейся над окружающим хаосом (на примере главной героини повести Мариям). Роль концептуальных метафор в осознании этих смыслов значительна. Мотив одиночества и отчужденности определяется как доминирующая линия повести, раскрывающаяся через метафорические параллели (рыбы, плывущие на нерест; змея, вползающая в пещеру; пауки в человеческом обличье; железный плод, растущий в чреве; пляшущие тени – гротескный образ; противопоставление ночи и дня, дома и жилища). В содержании произведения немаловажен акцент на мировоззренческих вопросах о сути веры, отношении писателя к религиозной атрибутике и т.д. В статье охарактеризованы стилевые особенности прозы Б. Чипчикова, отмечено пристрастие автора (последователя постмодернистской художественной традиции) к цитатности и аллюзиям.

Ключевые слова: Б. Чипчиков, повесть, смысловые уровни текста, интерпретация, концептуальные линии, подтекст, символические параллели

Поступила 28.03.2023, одобрена после рецензирования 07.04.2023, принята к публикации 12.04.2023

Для цитирования. Атабиева А. Д. Концептуальное прочтение повести Б. М. Чипчикова «Нерестились рыбы в свете лунном» // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2023. № 2(112). С. 75–84. DOI: 10.35330/1991-6639-2023-2-112-75-84

Original article

Conceptual reading of the B.M. Chipchikov's story "Fish spawned in the moonlight"

A.D. Atabieva

Institute of Humanitarian Researches –
branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street

Abstract. The article comprehends the interpretative levels of the literary text, dominant issues, ideological content, evaluates the key images-symbols indicated in Boris Chipchikov's story "Fish spawned in the moonlight". The conceptual core of the work is the idea of inner freedom, the manifestation of a person's spiritual core in the whirlwind of life's vicissitudes. The paper analyzes the structural and content layers of the work, determines the author's intention – the creative intent of the writer, aimed at reflecting the underside of historical events and human souls, the motivation of the actions of the heroes, the correlation of reality in individual perception and the actual state of things. This allows to unpack the deep meanings of the text, to identify inversions and distortions that disfigure human consciousness (the result of the influence of the social environment, the generation of ideological oppression), to demonstrate the power of an individual towering above the surrounding chaos (by the example of the main character of the story Maryam). The role of conceptual metaphors in understanding these meanings is significant. The motif of loneliness and alienation is defined as the dominant line of the story, revealed through metaphorical parallels (fish swimming to spawn; a snake crawling into a cave; spiders in human form; an iron fetus growing in the womb; dancing shadows – a grotesque image, the juxtaposition of night and day, houses and dwellings). In the content of the work, the emphasis on ideological questions about the essence of faith, the writer's attitude to religious attributes, etc. is important. In the article was characterized the stylistic features of B. Chipchikov's prose, the author's predilection (as a follower of the postmodern artistic tradition) for citations and allusions is noted.

Keywords: B. Chipchikov, novel, semantic levels of the text, interpretation, conceptual lines, subtext, symbolic parallels

Submitted 28.03.2023,

approved after reviewing 07.04.2023,

accepted for publication 12.04.2023

For citation. Atabieva A.D. Conceptual reading of the B.M. Chipchikov's story "Fish spawned in the moonlight". *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2023. No. 2(112). Pp. 75–84. DOI: 10.35330/1991-6639-2023-2-112-75-84

ВВЕДЕНИЕ

Борис Магометович Чипчиков – балкарский прозаик, яркий представитель современной плеяды русскоязычных писателей Кабардино-Балкарии. Книги Б. Чипчикова «Нерестились рыбы в свете лунном» (2006), «Мы жили рядышком с Граалем» (2008), «Благословение долгам моим» (2013) известны широкому кругу читателей. Однако на сегодняшний день творчество этого талантливого автора целостно не исследовано, тогда как отдельные его произведения получили всеобщее признание и высокую оценку литературной критики. Характеризуя специфический стиль писателя, следует указать на определяющую роль постмодернистской поэтики, вместе с тем в творчестве автора отмечаются выраженные экзистенциальные линии. Задачей данного исследования является разъяснение идейного содержания, концептуальной основы и композиционных особенностей повести Б. Чипчикова «Нерестились рыбы в свете лунном». Это повесть-посвящение отцу писателя Магомету Узеировичу Чипчикову. Ф. Урусбиева, раскладывая текст на «уровни чтения» в индивидуальной трактовке, выявляет различные грани художественного дарования автора [1]. Исследователь признается, что получила глубокое потрясение от содержания повести. Облик бунтаря, восстающего против иллюзий, навязанных матрицей социума, и неприятие ее предписаний характеризует главную героиню Марьям. В произведении Чипчикова вырисовывается образ женщины, чья загубленная жизнь и трагическая судьба откликаются болью в сердце народа-изгнанника. Ситуация, когда человек, а порой и целые этносы приносятся в жертву системе.

Несмотря на вполне реальную событийную основу, множественность интерпретаций и внедрение в композиционную структуру повести фантазийных элементов

укрепляет читателя в ощущении виртуальности происходящего. Автор следует принципу сюрреалистического повествования, используя абстракции, гротескные картины. Главная цель – исследовать человеческую психику, проиллюстрировать работу подсознания, ощутить и достоверно передать внутреннее состояние своих героев. Затрагивая тему «существования человека в несвободном мире» [2, с. 14], писатель не избегает оценочности. Читая художественный текст, сложно его не цитировать. В нем сконцентрировано неисчислимое количество символических деталей, знаковых образов, метафор, аллегорий, афористичных выражений. Предметный мир детализирован автором настолько, что помимо воли отпечатывается в сознании.

Само повествование ведется от лица главной героини – дочери узденя. Сюжет вбирает длительный отрезок исторического времени: действие разворачивается в эпоху насаждения советской власти, затем войны и депортации. Жизнь девушки была беззаботна, пока она росла под защитой любящего отца и братьев. Пришли «красные», осудили, избili до полусмерти и бросили в сарай, заперли наглухо, запретив кому-либо к ним подходить. Оборудовали в их доме клуб, присвоили все имущество, вынесли на торги в пользу советской власти. Происходящее писатель описывает аллегорически: *«Кто-то невидимый и мощный резанул по реальности, и она исчезла»* [3, с. 84], и это *«невидимое чудовище с треском поглощало»* все вокруг. Мариям выражает свое отношение к драматическим событиям так: *«Судьба была сооружена нетрезвой плотницкой рукой и безразличьем маляра»* [3, с. 85]. Люди, вошедшие в чужой дом, раскурочили его, плясали на фоне стен черными тенями, *«вытанцовывая грядущие беды»* народа. В тексте задействована масса идиоматических выражений: *«скалы уменьшились»*, *«небо прогнужлось»*, *«в полутьме бытия каждый творил, что умел»*, *«ночь, как недоношенный день»*, нагнетая атмосферу эйфории вселенского зла.

Лишившись защиты отца и братьев, Мариям подверглась насилию. Ей, попавшей в беду, на свой страх и риск помог Кади эфенди, забрал ее полуживую, выходил. Его слова *«Чужой грех преходящ – свой вечен»* определяют философское восприятие действительности. Пока девушка приходила в себя, в селе окончательно утвердилась советская власть, началось строительство колхоза. Завидев Мариям на улице, люди с нескрываемой злобой сыпали в ее сторону обидные слова, ребятня кидалась камнями, иные посмеивались и злорадствовали, мол, пришла ваша очередь быть никем. День за днем, месяц за месяцем проходили в «окаменелости». Скалы, казалось, закрыли собой и небо, и землю, вокруг мельтешили *пляшущие тени*, тщедушные призраки. *Плясуны, танцоры* – часто употребляемая в тексте метафора. Девушка старалась держаться подальше от всех и только ночью обретала умиротворение, могла позволить себе плакать. *Ночь* в ее сознании ассоциировалась с недолгим покоем, воспринималась героиней «как желанный уход от бытия». Для Мариям сделать вдох значило высвобождение, поэтому только ночью она была счастлива и могла дышать без присутствия людей. *Утро* же врывалось, *«забирая все, не оставляя сил ни себя вспомнить, ни убиенных помянуть, ни живых пожалеть»* [3, с. 92]. На рассвете она ходила гулять вдоль реки, стояла в белом платье у родника, зыбким воспоминанием о счастливом прошлом. Говорить ей вовсе не хотелось, поскольку *«слова, выходя, грудь царапали»* (так она описывает свою боль). *Железный плод* (еще одна емкая метафора) разрастался внутри нее и заполнял *металлическим холодом*. Восприятие обострилось, чувствовалась надвигающаяся *чернота*. Люди ликовали и радовались в преддверии большой беды, как в природе муравьи перед

своей гибелью обретают крылья. Каждый нес в себе этот *мрак*, переполнявший до краев. В этом «*разноцветье тьмы*» участвовали все. В новых реалиях объявлялась война безграмотности и врагам нового мироустройства. Некоторые уходили в лес, в горы, на них навешивался ярлык «бандитов».

Инфернальный (негативный) полюс человеческого сознания проявляется в образах танцующих теней. Много развелось *танцоров* разных мастей, они были порождением времени, *танцы* сопровождалась жертвами с обеих сторон. Люди «вытанцовывали» собственную гибель, готовые в куче вытоптать единственного, кто имеет смелость сопротивляться. Они выглядели словно *чучела* среди смеха и плача, «*в полусне цеплялись за день ушедший, по кусочкам отщипывая от каменной вечности*» [3, с. 100]. Автор использует емкие сравнения для передачи атмосферы морока. Земля будто уменьшилась в размерах, ощущая свое «пронзительное сиротство». Во всей этой вывернутой наизнанку действительности люди вынуждены возвращаться в свои жилища, ошибочно именуемые домами. *Дом* в понимании писателя подобен звуку колокола, а «*жилище – позвякивание колокольчика на воловьей шее, обиталище мышки подземной*». Разница очевидна.

Хажоса, как самого бедного батрака, власть выбрала комиссаром села, вручив ему печать, маузер в деревянной кобуре и тачанку. Этот «*черный суетливый человек*» вершил судьбы людей. Откуда-то появились белая черкеска, газыри и серебряный ремешок, бухарская шапка и новые «друзья». Начальство обрушило на сельчан непомерные налоги и поборы, всех сгоняли на работу, как подневольный скот. Озлобившись от непосильной ноши, люди убили бухгалтера, после чего долго искали виноватых. Среди подозреваемых оказалась и Мариям. Ее отвезли к следователю, швырнули в камеру вместе с другими неудобными. Это была «*подземная страна, населенная подземными существами*», где «*пахло бедой и безразличием*» [3, с. 93]. Все они жили «*в нелепое, недосоленное время*», вокруг серость, равнодушие, запах тлена. Населяли этот мир бескровные, усталые существа из *подземелья*. После допроса следователя ее все же отпустили. Снова она ощутила гул воспоминаний, как тела ее отца и братьев бросили в зеленую телегу и увезли. Вспомнилась *змея*, вползающая в пещеру (часто упоминаемый образ), и «многорукие, многолапые *науки*» в человеческом обличье – Хажос, Эдык Карауашевич и подобные им прислужники власти. Бывшие батраки, ныне расхаживающие с плеткой, агитирующие за новую светлую жизнь, и другие «пляшущие тени».

Со временем Мариям почувствовала облегчение, обрела способность проявлять эмоции. Ей до слез было жалко себя и всех людей. Она сравнивала себя с одиноким деревом на склоне. Работала, готовила себе еду, механически жила, услышав звонкий смех, удивлялась. *Запах железа* преследовал ее везде, железный плод она носила внутри, как напоминание. Героиня повести могла выразить измотанность своей души только мысленно. Уйти от этого было нельзя, жизнь в ней прорастала, и страдания повторялись по кругу. Человеку всего-то и надо, что одеть чистые вещи, поесть, согреться и почувствовать душевный покой. «*Постараться выкарабкаться, вопреки всем и себе, вспомнить и не забыть*» [3, с. 101]. В эти слова вмещается все родное сердцу – отечество, мать-природа, небо и звезды. Для передачи психологического состояния Мариям автор использует параллель с образом *рыбы*: «*Ноги были здесь, а голова уплывала, покачивалась на речных волнах. Волны топили, ударяли о речное дно, то выбрасывали на поверхность, и я глохла от гулкой немоты неба и бескрайнего земного безлюдья*» [3, с. 100]. В одном из эпизодов повести она наблюдает, как по мелководью

рыбы идут на нерест, балансируя «на стыке жизни и смерти», чтобы создать новую жизнь «в оранжевых кружочках». Подобно тем рыбам, девушка существовала с ободраным об острые камни телом и четверть века носила в себе пережитую боль. В тексте произведения часты рефрены: «*Плыли рыбы на нерест...*», «*Когда муравью подошло время испытать боль, у него вырастают крылья*» и т. п. фразы, свойственные художественному стилю Б. Чипчикова.

С началом войны беспросветное существование народа погрузилось в еще большую безысходность и отчаяние. Однако для героини повести война началась задолго до этого – с зеленой телеги, в которой увезли бездыханные тела родных, с танцев теней в чужом (ее) доме. «*Война оставляла фиолетовые пятна на лицах старух, метила усы и бороды стариков*» [3, с. 98]. Война лишила односельчан желанья ухмыляться над ней, они, наконец, забыли про нее, и она дышала. В лицах знакомых женщин Мариям видела то состояние, что было ее уделом долгие дни. «Танцоры» замерли в предчувствии своих бед, она же могла дышать как никогда раньше. Исчез с друзьями и Хажос. Все менялось в одночасье. Бывшие бандиты сменили нынешнюю систему, и тем, и другим нравилась власть. Похоронки, плач женщин, румыны с немцами в селе. Одни уходили, приходили другие. Вернулся и Хажос.

По иронии судьбы, такие, как он, сами расчистили дорогу в скалах для тех, кто превратил «ночь в недоношенный день» (события 8 марта 1944 года). Однажды в хибару Мариям влетели двое – солдат и офицер, дали пять минут на сборы. Та послушно поплелась за конвоирами. Возле дома Хафисат заметила брошенную *гармонь*, она «*валялась, как скомканное, истерзанное время*». Плач, крики, рев машин. Земля уходила из-под ног. Она удалялась из родного селения и думала, что больше ни за какие блага не вернется сюда, вспомнила мученически погибших отца и братьев, свое *белое платье* из другой жизни. Но сейчас не было сил пожалеть себя и других, не было крови (она вытекла навсегда), внутри все поглощал ненасытный *железный плод*. По прибытии «*пещера выплюнула их в степь*» (*пещера* ассоциируется с прошлым), ступок внутри Мариям рвался наружу, «*стал выходить застойный дух гнившего в ней долгие годы плода*», как долгожданное очищение, избавление от всего накопившегося. И глядя на своих соплеменников, думала: «*они потеряли родину, они в ссылке, они на каторге, я же потеряла родину на своей родине, а здесь, наполнившись памятной ширью, я ее обрела*» [3, с. 105]. Там она была никто и была нигде, и в один миг здесь обрела все. Лежа в степи, ей казалось, что тело находится в уютной колыбели. Она дышала и впервые за долгое время улыбалась. Вновь нахлынули воспоминания о купленных отцом *белом и красном платьях*.

В степях Азии собрались турки, украинцы, немцы, русские, киргизы. Они помогали прибывшим переселенцам обустроиться. «*Копали землянку, откапывали мой дом*», – говорит Мариям. Все эти люди казались героями, которые боролись со скорбной предопределенностью. «*Ссылные, каторжные, раздетые и разутые, холодные и голодные мы говорили, а, значит, мы были бессмертны...*» [3, с. 106]. Приходит осознание, что события являются всего лишь завесой действительности, отвлекающей ум от истинного, от «первосути» жизни. Здесь на чужбине героиня ощутила благодать своего возрождения, и ее «истощенная любовь» делала свой первый шаг, «*вместе с утром вылупившись из реальности*». Любовь в ней «*ступала неуверенно, искалеченным обликом едва касаясь земли*», но она впервые слышала ее зов.

Мариям начала работать в огородной бригаде, мотыжила землю, ела нехитрую похлебку. Наградой за труд стала швейная машинка, которая кормила и одевала, у людей появи-

лись возможность и желание шить себе новую одежду. Жизнь понемногу налаживалась. *«После землянки, нар, рвань, что стелила и чем укрывалась я, – рассказывает героиня, – белье пахло утром, оно, спеленав, ...уносило в неправдоподобие детства»* [3, с. 109]. Машинка работала, она дышала и радовалась, больше не чувствуя *запаха железа*. И только сейчас вспомнила, что зовут ее Мариям, свое давно забытое имя.

Люди неосознанно *«выплывали из железного нутра своего серые ошметки слов»*. Со временем начали возвращаться фронтовики. И все заново учились смеяться, смех *«сыпался драгоценностями»*, и плясали люди, не беду себе вытанцовывая, а просто радовались жизни. Затем появился Павел – бывший священник, которого власть сочла врагом новой жизни и сослала подальше. Отныне *«он шел к Богу сам, без посредников»*. Стал работать мастером, чинившим домашнюю утварь, ремеслу этому научили добрые люди. В нем Мариям обрела радость и счастье. *Суховой* внутри выходил, *«будто сухарь, обдирая нутро»*, и ощущение было, словно *«стержень вынули»*. Избавляясь от всей пережитой боли, накопившихся слез, она плакала, очищалась, дышала, чувствовала запахи, видела краски мира, слышала звон колокольчика. Павел казался ей большим ребенком, в нем была невероятная тяга к жизни, он и ее заразил этим. Когда спросил, хочет ли она детей, тихо ответила: *«Я, как улитка, человек со своим домиком на спине»*, и задала ему встречный вопрос: *«Как одновременно быть жестокой, чтобы не затоптали дитя твое, и оставаться нежной, дабы было ему на что жить?»* [3, с. 114]. Ответ удивил и успокоил: *«Не знаю, Мариям, видно там, где у мира не сшивается, женщина вынуждена «штопать», да так, чтобы швов не видно было»* (сакральное действие, позволяющее внести гармонию в хаос) [3, с. 115]. Так она и делала, сшивала и залатывала бреши в юдоли людской. В первую встречу Павел произнес удивительную фразу: *«Не падайте, дабы не унижить наступивших на вас»* [3, с. 112], эти слова она запомнила навсегда. Они оба, как те нерестящиеся рыбы, продирались через мелководье, обдирая животы и бока, преодолевая течение, медленно, но верно приближаясь к Свету Небесному. Однако судьба безжалостно разлучает их ближе к финалу.

Писатель по-своему расшифровывает в произведении страницы Библии. Образ Христа и Иуды (как Божьего избранника), Лазаря (воскрешенного спасителем на третий день смерти), Голгофа, распятие и многое другое. Так, в интерпретации Б. Чипчикова «оболганный в веках Иуда» только исполнял волю Бога (в истории существует немало свидетельств на этот счет). Здесь же перед нашими взорами предстают распятый Иисус, Понтий Пилат, фарисеи, апостол Петр (трижды предавший своего учителя), Святая Троица (Отец, Сын и Дух Святой). «Постоянная апелляция автора к известным мифам и традиционным символам не завуалирована драматическим сюжетом, а прямолинейна. Среди прочих особое значение в контексте чипчиковской прозы приобретают библейские мифы» [2, с. 15]. Образ Христа – один из сквозных в произведениях писателя, к нему он неоднократно возвращается, каждый раз подсвечивая новые грани. По утверждению автора, Иисус «не Бог, а дорога к Богу». И человек плывет по *черной реке* (повидимому, символизирующей земное воплощение) к Свету, к первоисточнику, туда, где Христос, Магомет и Будда излучают этот свет. Из *черной реки* выходят усталые люди, их встречают четверо: Иисус, Магомет, Будда и Иуда. Цитируя священное писание, писатель привносит в его толкование новые смыслы: *«В начале было Слово и в конце было Слово, и имя Слову тому – Свет»*. Причем, все значимые понятия в прозе Б. Чипчикова пишутся с заглавной буквы.

В понимании Павла «гроб Господень» – полнейшая глупость, ведь Творец не может умереть, и нет у него гроба. В Ветхом Завете Бог представляется гневным, наказывающим, тогда как Бог – есть абсолютная любовь. Далее упоминаются кровь Господня, война с неверными, кровавая Варфоломеевская ночь (убийство протестантов католиками), уничтожение еретиков во времена Инквизиции. Все эти события писатель называет нескончаемым насилием во имя Бога, которому вовсе не нужно никого пугать и наказывать, и поклонение, и жертвы без надобности. Суть веры в любви и только. За подобные речи Павла забрали и увели в неизвестном направлении, осадив Мариям, кинувшуюся его защищать. В глубине души она знала, что больше его не увидит, вернулась в дом и впадала в забытие. В это время женщины на поле закричали «Домой. Мы едем домой!». Народу-изгнаннику, наконец, было разрешено вернуться на родину. Героиня подумала, она-то куда поедет, нет у нее никого, и дома тоже. На базаре, куда Мариям направилась, чтобы продать ненужное тряпье, она увидела нищенски одетого Хажоса, бездомного, побирающегося. Проявила великодушие и позвала с собой.

Мотив одиночества проходит красной нитью через все повествование. Люди, «почерневшие и потрескавшиеся», забывшие, что такое улыбка, безмолвно ехали домой. Кавказ их встретил холодом и дождем. Все вокруг «пропахло бесконечным, слякотным сиротством» [3, с. 123]. Впереди был путь и преодоление пути (еще одна смыслообразующая идея повести). «Каждому был отмерен свой отрезок тьмы – кому больше, кому меньше – по силам его» [3, с. 125]. Мариям вновь стала *улиткой*, несущей на спине свой маленький дом, шла, вслушиваясь в свое одиночество, ища пристанище, наполняясь жалостью к себе и ко всему вокруг. Так она брела в поисках жилья, пока какая-то старушка не приютила ее, в надежде, что та подаст воды при случае. Мариям устроилась в ателье, шила и копила на комнатку. Женщина была уже не молода. Однажды в аэропорту ей пришлось помочь попавшей в беду девушке, которая не могла уехать из-за того, что у нее украли деньги и вещи, дала денег на обратную дорогу. Потом снова осталась одна, сломанная изнутри. Жизнь героини умещалась в одном слове – «волоком», скукожившись под непосильной ношей. По пути домой она случайно встретила парнишку по имени Ахия, он вызвался помочь ей дотащить до дома арбуз, и из благодарности предложила разделить с ней трапезу. Когда он разрезал арбуз и протянул ей самую сердцевину, потому что она вкуснее, Мариям увидела в нем Человека. Парень рассказал, что хочет стать художником и с радостью нарисовал бы ее, подчеркнув, «Вы красивая». Женщина заплакала, и внутри поселилась теплая благодать. Так завершается драматическая хроника ее жизни – повествование о тяжком пути балкарского народа.

Герои повести Б. Чипчикова «Нерестились рыбы в свете лунном» являются носителями определенных ценностных ориентиров. В тексте много развернутых характеристик персонажей. В своей статье О. М. Гочияева связывает содержательные линии произведения с философией и эстетикой экзистенциализма, и в данном случае, по мнению исследователя, эти идеи усиливаются гендерным фактором – «экзистенцией женщины». «И самое непростое – философски осмыслить феномен женщины как существа, дающего жизнь... В образе Мариям мы видим символистскую вечную женственность. Деву Марию и многие другие образы и философские обобщения» [4]. Через постулаты экзистенциализма разъясняется также разобщенность между людьми. Внутренняя жизнь героини Б. Чипчикова и ее свобода выбора четко определяются в произведении. Драматическая судьба Мариям явилась следствием ее нежелания играть по правилам, навязанным чуждой средой. «Ролевая заданность судьбы»,

жесткие условия существования должны были определить мотивацию ее поступков, но духовный стержень не позволил среде дозвониться над ней. Мариям так и не вписалась в «новый мир», несмотря на фактическое присутствие в нем. Эта мысль утверждается и осознается ею. Девушку характеризуют отчужденность, тяготение к одиночеству, состояние угнетенности из-за невозможности самореализации. Социальная данность ее жизненного уклада еще больше усиливает это ощущение. Однако эмоциональная рефлексия героини не означает пассивное примирение с собственной участью. Самопроявление Мариям состоит в признании личной ответственности за свою жизнь, стремлении сохранить свою подлинность, оставаясь в позиции уединенного наблюдателя. Мы видим балансирование между внутренней смелостью и вынужденной несвободой, зависимостью от обстоятельств. Так складывается организующая роль страдания в эволюции характера данного персонажа. Трагичность образа раскрывается в несогласованности внешних событийных границ с ширью душевных устремлений героини. В итоге самый сложный путь Мариям – это путь к себе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С семиотической точки зрения любое художественное произведение должно рассматриваться как знаковую систему (Ю. Лотман). На архитектурном уровне текст повести Б. Чипчикова представляет собой скопление символических образов, сгусток философских размышлений. Смыслы, закладываемые писателем, и значения, привносимые субъективным восприятием читателя, вместе образуют концептуально важные уровни текста. В этом плане образ Мариям служит «ценностным центром» (М. Бахтин) создаваемой автором действительности. Происходит некое сотворчество повествователя, героини и читателя, что помогает уловить авторский замысел, вникнуть в глубинные подтексты. Каждый читатель стремится привнести в трактовку содержания «субъективную значимость» изображаемого в зависимости от ценности идеи для конкретного человека.

В повести интересно проявляется механизм, запускающий различные трактовки смыслов. «Игра слов – один из таких энергетических ресурсов» [2, с. 16]. Созерцая кадры смоделированной писателем реальности, внутреннее ментальное видение помогает их структурировать, постигать их значения. Мы наблюдаем постепенное наращивание деталей, чередование и наслаивание образов, наложение одних смыслов на другие. Их концентрация в тексте максимальна, что создает эффект расширяющихся кругов на воде. Даже время уплотняется, становится более зримым. Заложенные писателем концепты раскрываются посредством повторяющихся словесных формул и образов, которые обладают смыслопорождающей силой. Б. Чипчиков актуализирует сразу несколько их значений, мотивированных общим содержанием произведения. На протяжении всего повествования множатся архетипические образы и символы (*рыб*, плывущих на нерест против течения; *змеи*, вползающей в пещеру; *пауков* в человеческом обличье; *улитки*, несущей свой дом на спине; *железного плода*, растущего в чреве; *пляшущих теней* – гротескный образ, *пещеры* как ассоциации с пережитыми страданиями; *гармони*; *черной реки*; белого *платья* – символа прежней беззаботной жизни). Они преподносятся в индивидуально-авторском видении, затем преломляются через субъективное зрение. В этом отношении немаловажны личностное восприятие и опыт читающего, его ощущения, степень развитости ассоциативного мышления. Происходит своего рода инверсия смыслов (что свойственно постмодернистскому искусству). Эти смысловые инверсии, подтексты могут

быть истолкованы по-разному, в зависимости от индивидуального уровня понимания. Следовательно, читатель как субъект восприятия абсолютизируется. «Множественность интерпретаций художественного текста объясняется как объективными свойствами самого текста, так и особенностями воспринимающего его сознания» [5, с. 148], поскольку «когнитивное понимание» подразумевает «постижение концептуальной информации, содержащейся в тексте» [5, с. 150].

Постепенное нарастание объема контекстовой информации создает сложности для усвоения содержательных уровней произведения, учитывая, что художественная идея не выражена вербально, но зашифрована в подтекстах. Поверхностный событийный план второстепенен в повести. Исторические реалии, пространственно-временные ориентиры служат лишь фоном. Куда более важен процесс декодирования текста, наполненного универсальными смыслами. Символические образы, созданные воображением писателя, пробуждают в сознании читающего устойчивые ассоциации, подводя к постижению сути озвученных словесных формул и синтаксических конструкций. Через них и складывается целостное представление о ценностном содержании произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Урусбиева Ф. Уровни чтения (Повесть Б. Чипчикова «Нерестились рыбы в свете лунном») // *Онтология и техника*. Нальчик, 2008.
2. Абакарова О. Современная русскоязычная проза Кабардино-Балкарии: поэтика стилей и жанров. Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Нальчик, 2005. 20 с.
3. Чипчиков Б. Мы жили рядышком с Граалем. Серия «Карачаево-балкарская литературная классика». Москва: Эльбрусид, 2008. 528 с.
4. Гочияева О. М. «Нерестились рыбы в свете лунном» к вопросу о влиянии экзистенциализма на творчество Бориса Чипчикова // *Наука и современность*. 2010. № 3–1. С. 148–153. EDN: RSZPLX
5. Чернявская Н. А. К вопросу об уровнях понимания художественного текста // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2018. Т. 24. № 2. С. 148–152. DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-148-152.

Информация об авторе

Атабиева Асият Даутовна, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. сектора карачаево-балкарской литературы, Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН;

360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18;

bolatovaatabieva@mail.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

REFERENCES

1. Urusbiyeva F. Reading levels (B. Chipchikov's novel "Fish spawned in the moonlight"). *Ontologiya i tekhnika* [Ontology and technology]. Nal'chik, 2008. (In Russian)
2. Abakarova O. *Sovremennaya russkoyazychnaya proza Kabardino-Balkarii: poetika stiley i zhanrov* [Modern Russian-language prose of Kabardino-Balkaria: poetics of styles and genres]. In: Avtoref. disser. ... k.f.n. Nal'chik, 2005. 20 p. (In Russian)

3. Chipchikov B. We lived side by side with the Grail. *Seriya "Karachayevobalkarskaya literaturnaya klassika"*. [The series "Karachay-Balkar literary classics"]. Moscow: Elbrusoid, 2008. (In Russian)
4. Gochiyayeva O.M. "Fish spawned in the moonlight" on the question of the influence of existentialism on the work of Boris Chipchikov. *Nauka i sovremennost'* [Science and modernity], 2010. No. 3–1. Pp. 148–153. EDN: RSZPLX (In Russian)
5. Chernyavskaya N.A. On the issue about levels of understanding of a literary text. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2018. Vol. 24. No. 2. Pp. 148–152. DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-148-152. (In Russian)

Information about the author

Atabieva Asiyat Dautovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute of Humanitarian Researches – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street;

bolatovaatabieva@mail.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>